

Д. В. Гельтман

Ботанический институт им. В. Л. Комарова РАН: три века истории

D. V. Geltman

Komarov Botanical Institute of the Russian Academy of Sciences: three centuries of its history

Ботанический институт им. В. Л. Комарова РАН, Санкт-Петербург
geltman@binran.ru

В работе, подготовленной по материалам сообщения, доложенного на торжественном заседании, посвященном 300-летию Ботанического института им. В. Л. Комарова РАН, приводится информация о важнейших событиях в трехсотлетней истории старейшего научного учреждения России.

Ключевые слова: история науки, Ботанический институт им. В. Л. Комарова РАН, Ботанический сад, Ботанический музей.

История Ботанического института им. В. Л. Комарова РАН столь богата, что ее невозможно хотя бы в основных чертах отразить в кратком докладе. В данной работе пойдет речь только о наиболее важных, узловых моментах его истории.

Ботанический институт имеет две линии предшественников (рис. 1). Первая берет начало от Аптекарского огорода — именно от его основания мы ведем отсчет нашей истории. Затем Аптекарский огород, который также назывался Медицинским и Аптекарским садом, стал Ботаническим садом Медико-хирургической академии. На его основе был создан Императорский ботанический сад, который после 1917 г. стал Главным ботаническим садом.

Вторая линия начинается от коллекций петровской Кунсткамеры, сохранившиеся ботанические собрания которой были в 1824 г. выделены в особое хранение, что положило начало Ботаническому музею Императорской Санкт-Петербургской академии наук. В 1931 г. Ботанический сад и Ботанический музей были объединены в Ботанический институт Академии наук СССР, которому в 1940 г. было присвоено имя выдающегося русского ботаника Владимира Леонтьевича Комарова.

Основанию Аптекарского огорода положил указ Петра I от 11 февраля 1714 г., хотя есть основания считать, что подготовительные работы к его закладке велись и раньше. Об этом указе свидетельствует следующая запись в журнале Медицинской канцелярии (Липский, 1913):

В прошлом 714-м году февраля 11 дня по указу блаженныи и вечно достойныи памяти Его Императорского Величества за закрепою архиатера Арескина на данном под аптеку по именному Его ж Императорского Величества словесному указу острове (на котором посторонним людям никому кроме аптекарских служителей строится не велено) огорожен огород и построен для житья аптекарским служителям двор мерою земли длиннику в переднем конце 161 сажень в

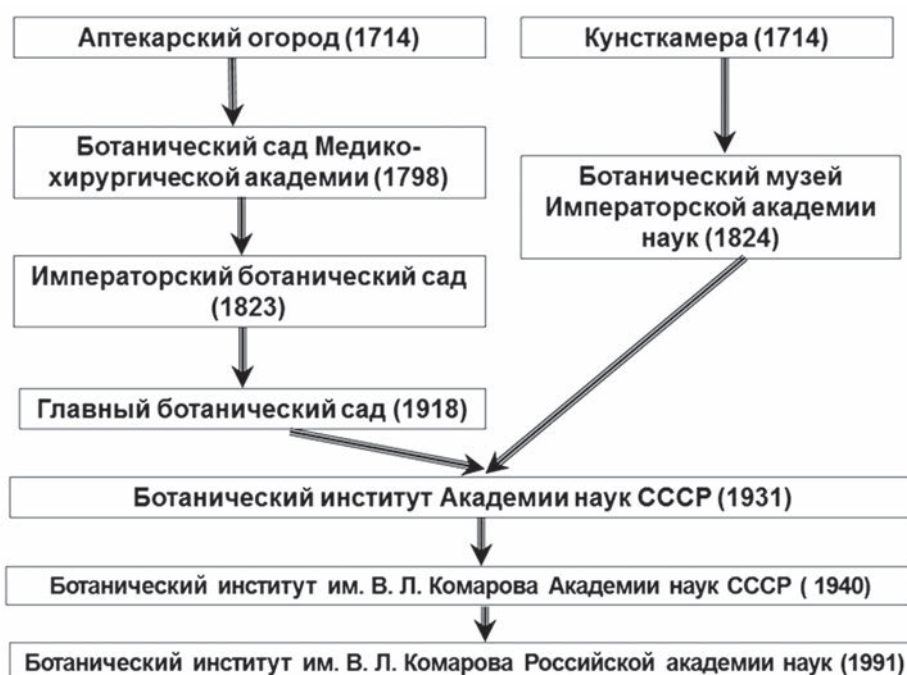

Рис. 1. Ботанический институт им. В. Л. Комарова и его предшественники: основные события и преобразования.

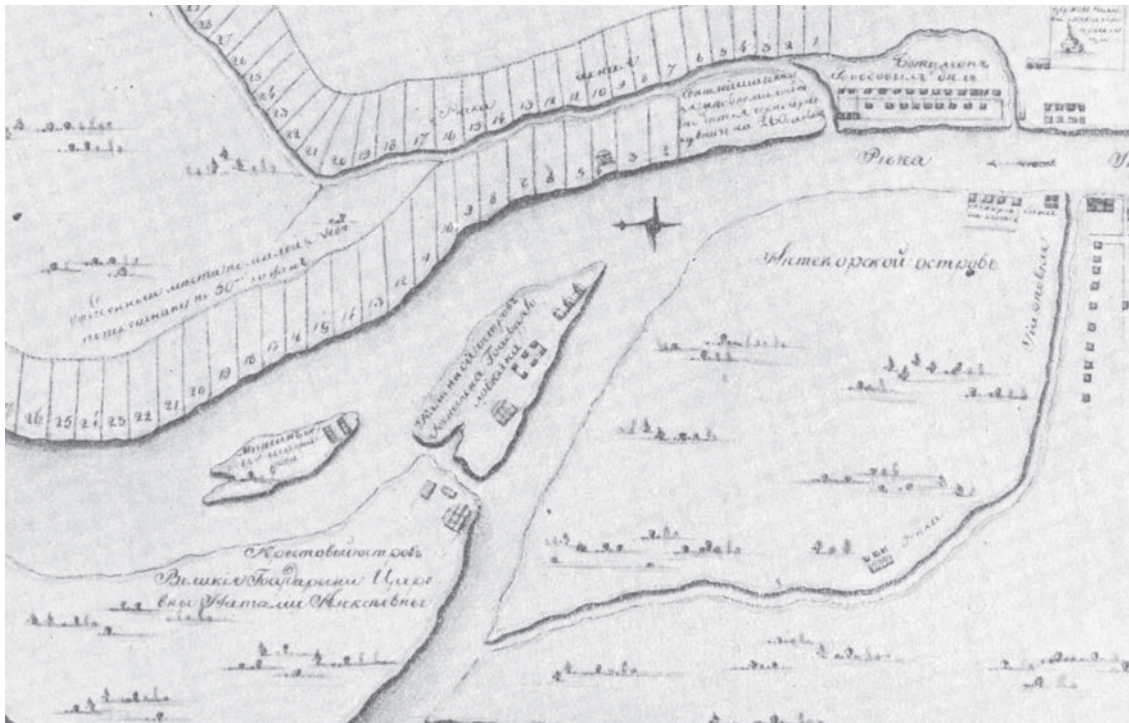

Рис. 2. Рукописный план Аптекарского (Вороньего) острова, составленного дьяком Ларионом Протасовым (по: Липский, 2013, с. 8).

заднем конце 94 сажени с шириною поперечнику в переднем конце 121 сажени в заднем конце 103 сажени.

В мае 1714 г., когда дьяк Ларион Протасов составлял рукописный план Аптекарского острова (рис. 2), он увидел здесь среди лесов, лугов и болот отдельные строения, принадлежавшие Аптекарскому огороду.

Как и многое другое в России, Аптекарский огород возник волею императора Петра I — реформатора русской жизни. Однако аптекарские огороды не были чем-то совсем новым для нашей страны, они существовали и ранее. Особенностью «огорода» на Аптекарском острове стало то, что в недрах учреждения, создававшегося как сугубо прикладное, призванное выращивать лекарственные растения, в первую очередь для нужд армии, практически с самого начала стала развиваться фундаментальная наука. Это, несомненно, было следствием мощного импульса петровской модернизации, важнейшим элементом которой было уважение к любому знанию и умению.

Уже в 1736 г. публикуется первый каталог растений Аптекарского огорода, насчитывавший 1275 видов (Siegesbeck, 1736) — явно больше, чем было необходимо для чисто утилитарных потребностей. Анализируя этот каталог, можно заключить, что в Аптекарском огороде культивировались дикорастущие растения, привезенные из различных регионов России, чем было положено начало тому, что мы сейчас называем интродукцией растений.

Ботаника в Петербурге в XVIII в. бурно развивалась и в только что созданной Императорской Санкт-Петербургской академии наук. Первоначально в ней работали выходцы из Западной Европы (главным об-

разом — Германии), которых влекли практически неизведанные огромные пространства России. Мы с благодарностью вспоминаем имена И. Х. Буксбаума, Д. Г. Мессершмидта, И. Г. Гмелина, П. С. Палласа, И. П. Фалька, Г. В. Стеллера, И. А. Гюльденштедта, Й. Г. Кельрейтера и многих других, работавших на благо отечественной науки. Их сменили ученые, родившиеся в России: назовем имена С. П. Крашенинникова и И. И. Лепехина. Материалы, собранные знаменитыми академическими экспедициями, открыли науке тогда еще почти нетронутый человеком растительный мир России, особенно ее азиатской части, а позже составили основу для Ботанического музея Академии наук, начало которому было положено К. Триниусом в 1824 г.

Вернемся к Аптекарскому огороду, который к концу XVIII в. стал Ботаническим садом Медико-хирургической академии. Обычно об этом времени говорят как о периоде упадка, и это в общем-то правильно. Но не стоит забывать, что в те годы здесь работали такие видные ученые, как М. М. Тереховский, Г. Ф. Соболевский, Х.-Ф. Стефан, И. Ф. Рудольф, Я. В. Петров, а анализ каталога сада того времени показывает (Petrov, 1816), что по отдельным показателям (например, наличию южноафриканских растений) коллекция была ничуть не хуже, а даже лучше, чем сейчас.

Тем не менее, строения сада приходили в ветхость, и его финансирование оставляло желать лучшего. Неизвестно, какая судьба была бы ему уготована, если бы на этот клочок земли не упал взгляд графа В. П. Кочубея — выдающегося государственного деятеля того времени, учившегося в Уппсале и, несомненно, знакомого с трудами великого Линнея и понимавшего

их значение. Кочубей обратил внимание императора Александра I на положение сада, добился его преобразования в Императорский ботанический сад и существенного увеличения финансирования. Просвещенный администратор и патриот, Кочубей хорошо понимал, что атрибутом имперской столицы должны быть не только роскошные дворцы и парады войск, но и просветительские и научные учреждения.

Благодаря увеличению финансирования сад быстро развивался и вошел в число ведущих ботанических учреждений Европы. Его задачей была не только демонстрация коллекции растений, но и изучение флоры Российской Империи. Всем систематикам и флористам известно сокращение фамилий авторов при названиях таксонов — Fisch. et C. A. Mey. За этими стандартными сокращениями стоят люди, имевшие прямое отношение к нашему учреждению: его первый директор Ф. Б. Фишер и его помощник К. А. Мейер (позже — еще и директор Ботанического музея), только совместно описавшие около 50 родов и более 500 видов растений.

В середине XIX в. над садом сгустились тучи — «начальством» было поставлено под сомнение его научное предназначение. Однако эти трудности были сравнительно быстро преодолены, за что мы должны быть благодарны тогдашнему директору Э. Л. Регелю. Он родился в Германии, получил профессиональную известность в Швейцарии, но его второй родиной стала Россия, а делом жизни — русская ботаника. И Императорский ботанический сад второй половины XIX века, сочетавший великолепие коллекций и высокий научный уровень, — это, конечно, сад Регеля, созданный его талантом и трудом, хотя, безусловно, в то время здесь работали и многие другие выдающиеся ученые, среди которых Ф. И. Рупрехт, Р. Э. Траутфеттер, А. Ф. Баталин, С. И. Коржинский, К. И. Максимо-вич.

Во второй половине XIX в. сад, продолжая исследовать территорию Российской Империи, в том числе Кавказ и Среднюю Азию, обратил внимание на сопредельные страны, особенно регионы Восточной и Центральной Азии. Легендарные экспедиции Русского географического общества в Китай и Монголию по руководством сначала Н. М. Пржевальского, а затем Г. Н. Потанина, В. И. Роборовского, П. К. Козлова принесли огромные материалы из доселе неизведанных мест и определили долговременный научный интерес к этим регионам, продолжающийся и поныне.

В начале XX века Императорский ботанический сад стал многопрофильным ботаническим учреждением. В его структуру, кроме коллекции живых растений, входили гербарий, музей с биологической лабораторией, библиотека, Центральная фитопатологическая станция, Станция по испытанию семян, с 1913 г. — Институт споровых растений. Сад имел превосходные коллекции, развивал как фундаментальные, так и прикладные исследования, вел активную просветительскую и образовательную деятельность. В этом огром-

ная заслуга тогдашнего директора А. А. Фишера фон Вальдгейма, который сумел найти оптимальное сочетание различных видов деятельности. В 1913 г. было торжественно отпраздновано 200-летие сада, он получил имя своего основателя — Петра Великого и заметное увеличение финансирования.

В то время сад включился в важную государственную программу — деятельность Переселенческого управления, связанного с освоением необжитых территорий Азиатской России. Многочисленные экспедиции этого управления не только решали прикладные задачи, но и приносили обширные новые материалы, на базе которых были достигнуты важные научные результаты.

Заметно расширил свою деятельность в начале XX в. и Ботанический музей. Если ранее в нем на постоянной основе работали только академик по ботанике и 1–2 помощника, то к началу Первой мировой войны — около 20 сотрудников, велись разноплановые исследования. Это произошло благодаря активной деятельности директора музея И. П. Бородина, который также много сделал для консолидации сил отечественных ботаников, был первым президентом Русского ботанического общества.

Первая мировая война, революция, гражданская война принесли немало испытаний саду и музею. В февральские дни 1917 г. в гербарий сада пришла делегация расположенного поблизости пулеметного полка с намерением занять это здание. Однако после объяснений, зачем нужен гербарий, солдаты вынесли резолюцию: «что это учреждение представляет собой сокровищницу, которую нужно хранить и беречь, как достояние народа» (Отчет..., 1918). Хорошо, что у революционных пулеметчиков понимание интересов страны было развито лучше, чем у иных государственных деятелей.

Несмотря на недостаток средств, голод, военное положение, в годы войны и революции в Ботаническом саду продолжались исследования, а коллекции были большей частью сохранены. В этом огромная заслуга Б. Л. Исаченко — директора сада в те нелегкие годы. К середине 1920-х годов и сад, и музей в основном восстановили свою инфраструктуру и уровень научных исследований. Более того, и численность, и научный профиль сада и музея заметно расширились.

В 1931 г. оба эти учреждения были объединены в Ботанический институт, хотя идея объединения подерживалась далеко не всеми работниками как сада, так и особенно музея (Гельтман, 2014). Жизнь, однако, показала, что это решение было оправданным — возникло мощное научное учреждение, способное решать крупные научные задачи.

В довоенное десятилетие была заложена основа для последующего развития института. Нужно отметить, что все это происходило в условиях идеологического давления, постоянных требований немедленного практического выхода научных исследований и прочих сложностей того времени. Институт постоянно трети-

ровался как пристанище «бывших» — дворян, детей священников, купцов и т. п. Не обошли институт стеной и политические репрессии. И тем большего уважения заслуживают наши предшественники, которые в тех условиях смогли отличить настоящее от преходящего и наносного, продолжали упорно трудиться на благо любимой науки. Времена, как известно, не вымирают.

Важнейшей задачей, которую осуществлял институт в те годы, стала подготовка «Флоры СССР». Эта «Флора» стала образцом для многих подобных изданий — как отечественных, так и зарубежных. В работу было вовлечено почти 100 человек, и, конечно, огромную роль в успехе «Флоры СССР» сыграли ее редакторы — В. Л. Комаров и Б. К. Шишкин. В это же время в институте развивались и другие направления: изучение споровых растений и грибов, классификация и картографирование растительности, были созданы уникальные научные школы ботанического ресурсоведения и экологической физиологии.

Великая Отечественная война принесла институту, как и всей стране, многочисленные беды и испытания. Более ста сотрудников погибли на фронтах и в блокированном Ленинграде. Научная тематика была приспособлена к нуждам обороны страны, хотя и в эти годы продолжались фундаментальные исследования, в блокированном городе печатались тома «Флоры СССР», его сотрудники по мере возможностей спасали научные коллекции, в том числе и живых растений. Институт приложил максимальные усилия для спасения голодающих жителей города, были устроены выставки пищевых растений, выращивалась рассада овощей, издавалась необходимая справочная литература. События войны и блокады хорошо показали, что в истории страны бывают моменты, когда правильные знания об окружающем нас растительном мире являются для людей жизненно важными в самом прямом смысле этих слов. Об этом хорошо бы помнить современным составителям всякого рода эфемерных списков приоритетных научных направлений.

В послевоенное время институт не только восстановил потери, но и стал бурно развиваться. Сколько парадоксальным это покажется, именно непростое послевоенное двадцатилетие можно по праву назвать «золотым веком» института. Именно в этот период был создан тот научный задел, который принес институту высочайший авторитет в стране и за рубежом. Этому способствовала ответственная и принципиальная деятельность руководителей института — Б. К. Шишкина, В. Ф. Купревича, П. А. Баранова — его роль особенно велика, Ал. А. Федорова. Практически по каждому научному направлению в институте в то время существовали блестящие научные школы.

Трудно перечислить все то, что было сделано в те годы. Остановлюсь лишь на самых основных позициях. Это, конечно, продолжение и завершение «Флоры СССР», но также и работа над другими многотомными изданиями: начало создания «Арктической флоры

СССР», подготовка «Определителя пресноводных водорослей СССР», целого ряда томов «Флоры споровых растений СССР», других многотомных изданий, монографий отдельных таксонов — современных и ископаемых.

Несомненно, нельзя не сказать о выдающихся достижениях в области геоботаники, изучении растительности СССР и сопредельных стран, чему способствовали активные экспедиционные работы, в том числе и под флагом научного обеспечения «великих строек коммунизма». Именно тогда была в основном создана классическая «Полевая геоботаника», целый ряд карт растительности, а также выдающиеся работы по классификации растительности самых разных регионов, особенно аридных областей и Крайнего Севера. А блестящая плеяда геоботаников, работавших в институте в то время, была представлена едва ли не самыми выдающимися именами за всю историю этой научной дисциплины.

Следует вспомнить о многочисленных исследованиях растительных ресурсов и широком фитохимическом изучении флоры СССР, в том числе создании новых лекарственных препаратов. Несомненно, огромных усилий потребовало восстановление и развитие коллекций Ботанического сада.

В те годы происходил бурный рост численности института, а также создание и развитие новых научных направлений и соответствующих подразделений: анатомии и морфологии, эмбриологии, цитологии, физиологии фотосинтеза, биохимии грибов и других.

Нельзя не отметить, что Ботанический институт стал центром борьбы за научную биологию в стране. Именно здесь сформировался наиболее эффективный очаг сопротивления лысенковщине — псевдонаучному мракобесию, захватившему отечественную биологию с благословения тогдашних властей. Именно в нашем институте было подготовлено знаменитое «письмо трехсот» о состоянии отечественной биологии. В связи с этим надо еще раз подчеркнуть роль директора института П. А. Баранова: оставаясь на позициях внешней политической лояльности, он использовал любую возможность для отстаивания принципиальных научных позиций, хотя лично для него это означало множество проблем и неприятностей, а институт постоянно подвергался нападкам в печати по самым разным поводам. Не раз судьба руководства, да и самого института висела на волоске. Но в итоге те, кто отстаивал научную истину, одержали победу — оказалось, что даже в нелегкие времена можно и должно сохранять научную принципиальность и личную порядочность.

В 1965 г. Ботанический институт им. В. Л. Комарова Академии наук СССР за заслуги в развитии биологической науки и в связи с 250-летием был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В институте эта награда тогда воспринималась не только как высокая оценка со стороны государства, но и как своеобразное извинение властей за все те несправедливые оценки, которые были высказаны ранее в его адрес.

Последующие двадцать пять лет, 1966–1990 гг., можно назвать периодом устойчивого развития института. Уже не было столь бурного роста, как раньше, не открывались научные подразделения с принципиально новой тематикой. Но сотрудники института продолжали интенсивно работать, их результаты были востребованы и широко использовались как в научном, так и в практическом отношении. К концу 80-х годов численность института достигла своего максимума. Для этого времени характерны интенсивные полевые исследования практически во всех регионах СССР, а также в Монголии, Вьетнаме, на Кубе, в ряде других стран.

Сравнительная близость того времени создает известную опасность для автора, поэтому я воздержусь от оценок и перечисления всех достижений института в то время. За исключением двух: создания «Арктической флоры СССР», которая была удостоена Государственной премии СССР, и подготовки «Жизни растений» — до сих пор наиболее полной сводки о разнообразии растений и грибов на русском языке. Надо отметить, что такая сводка могла быть создана только здесь, в институте, где есть богатые научные коллекции и ученые, работающие на мировом уровне.

Признанием роли института в мировом научном сообществе стало проведение в 1975 г. в Ленинграде XII международного ботанического конгресса, о котором до сих пор тепло вспоминают его участники из многих стран. Конгресс способствовал все большему вовлечению отечественных ученых в научное сотрудничество, заложил основы многих долговременных научных связей.

В 1977–1986 гг. директором института был А. Л. Тахтаджян — выдающийся ученый, автор системы цветковых растений, схемы флористического районирования Земли и многих других важнейших научных работ. Им был инициирован ряд долговременных научных проектов в самых различных областях современной ботаники, результатом которых стали многотомные издания. Некоторые из них уже завершены, работа над другими продолжается. А. Л. Тахтаджян стоял во главе института сравнительно недолго, но воздействие его масштабной личности на институт, конечно, далеко не исчерпывалось только годами директорства.

Говоря о деятельности Ботанического института в течение всего послевоенного периода, нельзя не отметить его огромную роль в подготовке научных кадров для множества научных и образовательных учреждений как России, так и всех республик, тогда входивших в состав СССР, а ныне являющихся независимыми государствами. Не ошибусь, если скажу, что вне зависимости от своих нынешних политических взглядов и пристрастий, оценок произошедших и происходящих ныне политических переустройств, все те, кто прошел в институте аспирантуру и стажировку, просто приезжал в командировку для консультаций и работы с коллекциями, с благодарностью вспоминают то время и своих учителей. Институт также провел огромную

работу по подготовке ботаников для Монголии, Китая, Вьетнама, Кубы, Непала, многих других стран.

После 1991 г. жизнь института, как и всей страны, ее науки, резко изменилась. В эти переломные годы во главе института стоял Л. Ю. Буданцев, сумевший, несмотря на все сложности, сохранить его научный потенциал. Давать оценки противоречивым событиям последних 25 лет и в стране, и в российской науке, да и в институте — задача пока еще весьма неблагоприятная. Я бы отметил только такой факт: несмотря на то что численность института в настоящее время в 2 раза меньше, чем в конце советского периода, в нем в целом сохранились все основные научные направления и школы.

Разумеется, в истории Ботанического института были самые разные события, в том числе и те, о которых обычно не говорят в юбилейных докладах. Важно, что институт и его предшественники всегда находили возможности для развития в самые сложные для отечественной науки периоды. Не будет большим секретом утверждение, что и сейчас мы снова переживаем такой период.

Сравним план Аптекарского острова Лариона Протасова трехсотлетней давности и современный космический снимок. На этой территории изменилось многое, почти все. Менее же всего изменилось то место, куда триста лет тому назад пришли люди, чтобы выращивать и изучать растения. Когда-то они облагораживали небольшой участок земли среди леса и болот, сейчас — сохраняют зеленый остров среди предельно урбанизированной территории. Здесь не просто выращиваются растения — этот участок земли буквально насыщен знаниями о растениях, ведь люди, работающие здесь, стремятся понять, как функционирует растительный мир, от которого наша цивилизация очень зависима, несмотря на все ее, цивилизации, высокомерие. Они делали и делают свое дело, несмотря на все превратности нашей непростой истории: войны, революции, переменчивые настроения отечественного начальства.

Вот это постоянство и внушает оптимизм.

Список литературы

- Гельтман Д. В. Непростое объединение Ботанического сада и Ботанического музея в Ботанический институт // Историко-биол. исслед. 2014. № 3. С. 35–60.
- Липский В. И. Исторический очерк Императорского С.-Петербургского ботанического сада (1713–1913) // Императорский С.-Петербургский ботанический сад за 200 лет его существования (1713–1913). Ч. 1. СПб., 1913. С. 1–378.
- Отчет о состоянии и деятельности Ботанического сада за 1917 г. Пг., 1918. 68 с.
- Petrov J. Index plantarum horti imperatoriae Medico-chirurgicae academiae. Petropoli, 1816. 216 p.
- Siegesbeck J. G. Primitiae florum Petropolitanae sive catalogus plantarum tam indigenarum quam exoticarum, quibus instructus fuit Hortus Medicus Petriburgensis per annum MDCCXXXVI. Rigaе, 1736. 8 + 111 p.